

С.Г. Тер-Минасова*

ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ ИЛИ ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ: ЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В Австралии рассказывают такой анекдот. Встречаются два иммигранта – старожил и новенький. «Ну, что это за страна? Как тут живется?» – спрашивает новичок. «Отличная страна», – говорит старожил. – «Через пару месяцев купишь машину, через пару лет – дом, лет через пятнадцать заговоришь по-английски». – «А потом?» – волнуется новичок. «Потом?.. Потом будешь разговаривать сам с собой»¹.

Хороший анекдот. Как все хорошие анекдоты, он ярко и доходчиво выражает известную истину: материальные блага не обеспечат автоматически самой главной радости жизни – роскоши общения. Даже преодолев языковой барьер, человек стоит перед следующим – еще более грозным и почти непреодолимым препятствием – барьером культурным.

Весь путь и отдельного человека, и всего человечества – бесконечное преодоление препятствий на пути к Хорошей Жизни. В разные времена, режимы, эпохи эта Хорошая Жизнь имела разные названия: Земля Обетованная, Светлое Будущее Коммунизма, Американская Мечта... И нет конца преградам, барьерам – физическим, географическим, биологическим и самым тяжелым, самым труднопреодолимым – культурным. Одолеваем один, встает два следующих...

За время своего существования человек сумел преодолеть многое. Он выжил физически как биологический вид. Приспособился и к вечным льдам, и к вечной жаре. Преодолевал барьеры климатические, географические (живет и в горах, и в пустынях, и на воде), биологические (голод, болезни, хищников, ядовитую фауну и флору).

С помощью науки и техники преодолел барьер расстояний, развил непрерывно растущую сеть коммуникаций, открыл и продолжает открывать и совершенствовать все новые виды и формы общения (радио, телефон, телевизор, компьютер...)

XX век в этом отношении особенно отличился, сконцентрировав в гигантском скачке неторопливые накопления прошлых веков и тысячелетий за ничтожно малый исторический срок – 100 лет.

Казавшаяся нашим предкам необъятной, необозримой, с три-девятью лесами и землями, наша планета неожиданно сжалась в размерах, стала легко обозримой, измеренной, изученной, и уже лепится к ней не то ласкательный, не то уничижительный ярлык – Всемирная, или Глобальная Деревня.

Однако все эти чудеса науки и техники, о которых не мечтали даже фантасты, неожиданно натолкнулись на препятствие, которое никто и представить не мог – на так называемый «человеческий фактор». Этот расплывчатый, но всем понятный термин подразумевает трудно определяемый внешний и внутренний мир человека – образ жизни, привычки, традиции, мировоззрение, менталитет, систему ценностей, иными словами – все

---

* *Тер-Минасова Светлана Григорьевна* – декан факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор.

¹ *Сол Шульман*. Континент, где верят в удачу // ГЕО. 1998. № 7. С. 66.

то, что в наше время принято называть **культурой** в самом широком антропологическом, или этнографическом смысле.

Прибавьте сюда еще более расплывчатое, но и еще более всем понятное и привычное понятие **души**, или **сердца**, и получится, что «ум с сердцем не в ладу», что техническому гению человека мешает человеческий же фактор. Кто же мог, действительно, предположить, что такая «мелочь» может свести на нет величайшие достижения научно-технического прогресса, что об этот утес могут разбиться усилия объединить человечество, привести его к Светлому Будущему.

На пути науки и техники, все более объединяющей человечество физически, встал «человеческий фактор»: языковой и культурный барьеры.

Что представляют из себя эти барьеры?

«Рознь языков» ясна человечеству со времен Вавилонской башни. Языковой барьер труден, но очевиден. Чужой язык (жаргон, диалект), как Цербер, сторожит свое царство. Этого сторожа нельзя обойти, подкупить, обмануть, но его можно выучить. Не сразу, не так быстро, не «английский за три недели», но можно, и миллионы людей этот барьер преодолевают.

Однако, знание языка еще не гарантирует радостей общения. «Через 15 лет выучишь английский и будешь говорить сам с собой». Для того, чтобы «говорить с другими», легко и эффективно общаться, нужно преодолеть еще и барьер культурный – гораздо более грозный, опасный и трудный.

Чем же барьер культур труднее, «хуже» барьера языков?

1. Во-первых, он, в отличие от языкового, невидим и не ощущаем. Столкновение с другими, чужими культурами всегда неожиданно. Родная культура воспринимается как данное, как дыхание, как единственная возможность видеть мир вокруг себя, жить по определенным, родным правилам, в соответствии с общепринятыми нормами, традициями, привычками. Осознание своей культуры как одной из многих, отдельной, особенной, приходит только при столкновении (знакомстве, взаимодействии) с иной культурой, особенно той, которая живет в *иных странах*, то есть иностранной.

Впрочем, и в одной стране, у одной нации, объединенной одним языком, могут быть весьма значительные различия культур, обусловленные как местом проживания, так и принадлежностью к разным социальным группам. Иными словами, наряду с общенациональной культурой, существуют культуры локальные и социальные. В языкознании такого рода разновидности национального языка называются диалект и жаргон. Культурология еще не имеет общепринятых терминов для аналогичных понятий (может быть, **диакультура** и **аргокультура**?). Культурные различия зависят от пола (этим занимаются гендерные исследования), возраста, уровня образования и т.п. Иными словами, люди и, соответственно, их культуры делятся не только на нации, народы и народности, но и на женщин и мужчин, «отцов» и «детей», образованных (у русских этот слой называется *интеллигенция*) и необразованных, рабочих, крестьян и служащих и т.п.

Более того, у каждой семьи как «ячейки общества», как мини-общества есть своя разновидность, свои особенности национальной культуры, обусловленные **идиокультурами** (по аналогии с идиолектом) членов этой семьи.

Итак, культурный барьер невидим, он подобен стеклянной стене, отгораживающей свою культуру от других, и становится очевидным только при знакомстве с иной культурой, только в момент столкновения. Разумеется, неприятно набить себе шишку, столкнувшись с неожиданным, невидимым препятствием. Индивидуальная культура также, подобно

стеклянной капсуле, закрывает человека, и всякая встреча, знакомство, общение с другим человеком благоприятны и эффективны только в случае преодоления культурных различий. Сколько прекрасных пар, сколько семей разрушилось от неосознания культурного барьера, его невидимости до столкновения.

Конечно, языковой барьер «лучше» культурного: он абсолютно ясен, очевиден, на нем нет шапки-невидимки.

2. Во-вторых, языковые ошибки, как правило, не вызывают такой негативной реакции, как культурные.

Особенно ярко это видно изучающим иностранные языки.

Носители этого языка обычно воспринимают ошибки «бедного иностранца» вполне добродушно. Неправильное ударение, неверное употребление слова, перепутанный артикль или род существительного, как правило, не вызывают раздражения, негодования, разочарования. Наоборот, обычная реакция носителя языка – ободряющая улыбка, комплимент (*да что Вы беспокоитесь, Вы прекрасно говорите, я Вас прекрасно понял и т.п.*).

Ошибки культурные воспринимаются гораздо более негативно. Обычно родная культура вполне естественно представляется единственно правильной. Этноцентризм, определяемый как «склонность человека оценивать все жизненные явления сквозь призму ценностей своей этнической группы, рассматриваемой в качестве эталона»², – свойство не только отдельных людей, но и практически всех культур.

Представитель другой культуры, который ведет себя не так, «как надо» (хотя и в полном соответствии со **своей** культурой) – это подозрительный чужак, «ненормальный», опасный, неприемлемый, от него нужно держаться подальше. Культурные ошибки раздражают и возмущают. В результате рушатся личные и деловые отношения, проекты, программы, сотрудничество, возникают этнические конфликты, а Сэмюел Хантингтон, политолог из Гарвардского университета США предсказывает 3-ю мировую войну как войну культур и цивилизаций. И хотя мы все (и Хантингтон в том числе) знаем, что причины любой войны – в первую очередь экономические и политические, эта крылатая фраза о 3-ей мировой войне не только предостерегает от недооценки этой опасности, но и высвечивает особую актуальность проблем межкультурной коммуникации на современном этапе развития человечества с его глобализацией, панмиксией, небывалой ранее миграцией населения, культурно-этническими конфликтами, неслыханным по масштабу терроризмом.

Разумеется, все сказанное выше носит обобщенный характер. Более внимательное рассмотрение и языкового, и культурного барьеров, разделяющих людей, даст гораздо более сложную картину.

Языковые ошибки снисходительно прощаются иностранцам: сам факт этих ошибок невольно вызывает у носителей языка чувство превосходства: *«Я-то знаю, как произнести это слово, как употребить эту грамматическую форму, не то, что этот бедный (милый/убогий – нужно подчеркнуть) иностранец.*

Однако, по отношению к соотечественникам – никакой снисходительности. Овладевшие нормативным литературным родным языком (или хотя бы немного, через среднюю школу прикоснувшиеся к нему), не прощают «неграмотности» других вариантов: диалектов, вульгаризмов, разговорного стиля, жаргонных выражений. Особенно они непростительны для людей «при должности», официальных, вышестоящих. Опять же все эти требования живут **только в соответствующих культурах.**

---

² Российский Энциклопедический словарь. Т. II. М., 2000.

Например, в современной России, несмотря на стилистический разгул и крушение языковых норм (как реакция на строгость и цензуру стилей в Советском Союзе), по-прежнему, массовое сознание требует от вождей «высокого» (хотя бы грамотного!) стиля. Закат и непопулярность М.С.Горбачева начались с его речевых «ошибок», с отклонений от русского литературного языка, с элементов южнороссийского говора (в том числе фонетических). Все это было немедленно высмеяно и юмористами, и народом. Все эти «н́ачать», «мы́шление», «л́ожить» вызвали ощущение недостаточной культуры и образованности, несмотря на то, что Михаил Сергеевич был практически первым главой СССР, имевшим университетское образование, да ещё и получившим его в Первом Вузе страны – Московском государственном университете.

В этом смысле немногословная, грамматически и лексически выверенная, афористическая речевая манера И.В. Сталина идеально соответствовала культурным требованиям народных масс (именно – масс и именно – народных): веско, значимо, грамотно, медленно, понятно. Очевидно, успеху речевой манеры главного советского вождя способствовало то, что русский язык был для него неродной: отсюда и повышенная грамотность, и отсутствие вольностей, и строгая нормативность, и даже замедленность темпа, придающая особую значимость его словам. Идеал речевой манеры русских был сформулирован гениальным А.С. Грибоедовым: «говорить надо с чувством, с толком, с **расстановкой**», т.е. эмоционально, осмысленно и... **медленно**, с паузами, чтобы донести каждое слово до слушателей и оказать им таким образом уважение. Именно так может и должен говорить вождь – и шире: представитель государственного управления – в России. У Сталина и легкий грузинский акцент не раздражал, а скорее придавал значимость образу как нечто «иностранным», особое, не такое, как у большинства. И.В. Сталин в речевом плане оставил за собой не ошибки, не вульгаризмы, а крылатые выражения: его афоризмы вошли в язык: «кадры решают все», «наше дело правое – победа будет за нами», «других писателей у меня нет».

Н.С. Хрущев оставил в народной памяти не так много грубых языковых просчетов («кузькина мать», «педерасы» – о художниках-модернистах), но зато очень «отличился» в плане культурном: ботинок, которым он колотил по трибуне, чтобы привлечь внимание аудитории в США, сделал его посмешищем не только у представителей других культур, но и, в первую очередь, в родной стране.

Манера Л.И. Брежнева высмеивалась в многочисленных анекдотах из-за невнятности речи, «каши во рту», что, разумеется, отнюдь не способствовало его популярности.

Эпоха Б.Н. Ельцина вызвала поток анекдотов, иллюстрирующих его ослабевшую от возраста и вредных привычек способность понять и словесно выразить что-либо. Слова – паразиты, уродующие устную речь (вроде «понимашь»), «украсили» бесконечные пародии на Первого Российского Президента.

Надо отдать должное нынешнему Президенту России В.В. Путину – не потому, что он нынешний, а вполне объективно: в плане манеры, формы и содержания речи он выгодно отличается от предыдущих властителей страны: он говорит медленно, лаконично, понятно и грамотно. Сорвался он всего один раз, и его «мочить в сортире» немедленно стало предметом насмешек. Впрочем, возможно это был популистский прием, имеющий целью показать «близость к народу». В России такие уловки не рекомендуются: вождь не должен говорить, как мы. Юпитеру не позволено....

Итак, языковые ошибки прощаются главным образом иностранцам, ошибки культурные не прощаются никому, особенно иностранцам.

Культурный барьер, таким образом, опаснее и труднее языкового: 1) он не осознаваем до момента столкновения, конфликта, войны культур, и 2) нарушение культурных норм воспринимается гораздо более болезненно, чем языковые промахи. Самое худшее, к чему могут привести ошибки в речи – это насмешки и снижение репутации человека, ошибки же культурного поведения могут вызвать этнические конфликты, насилие, кровопролитие.

Тем не менее человечество, то есть все мы традиционно тратили и тратим огромное количество усилий, времени, здоровья, денег на изучение языков: родного литературного (как бессмертная Элиза Дулиттл – чтобы получить место продавщицы в цветочном магазине) или иностранных. И, «выучив язык», облегченно вздыхаем: начинается Хорошая Жизнь: повышение в должности, более интересная работа, больше денег, больше возможностей всякого рода, в первую очередь – Общения.

Но тут – стоп! О невидимый барьер разбиваются и победы, и успехи. Знание грамматики и значений слов, на которое ушло столько сил, не обеспечивает побед и успехов в общении – для этого необходимо **знание культуры своих партнеров**, их общекультурного фона, их образа жизни, их социального устройства, их привычек и традиций, норм поведения, системы ценностей, отношений между собой и восприятия мира. Как же объять это необъятное? Сколько же еще сил и времени надо потратить, чтобы, выучив язык, потом еще выучить и эту самую «культуру», если под ней понимать весь мир и жизнь (а значит, и историю, и географию, и экономику, и психологию и т.п.) людей, использующих этот язык как средство общения. У многих опускаются руки при мысли об изучении нового языка: сколько девушек прожили жизнь уличными торговками, потому что у них не было упорства, амбиций и везенья Элизы Дулиттл. Если всем, взявшимся за язык, объяснить, что после этого или одновременно им надо узнать все о том мире, в котором этот язык реально живет и служит средством общения, или коммуникации, смельчаков станет еще меньше.

Все эти грустные выводы – увы! – подтверждаются как научными исследованиями, так и жизненным опытом, который, как известно, есть мерило и проверка всех теорий.

Что касается научных подтверждений – в последнее время в литературе по проблемам общения, или коммуникации (а количество этой литературы и в печатном, и в электронном виде стремительно растет по понятной причине: никогда ранее, за десятки тысяч лет существования люди не имели ни таких потребностей, ни таких возможностей всемирного общения) приводятся следующие цифры, полученные в результате исследований британских психологов: общение складывается из: 7% – собственно вербальные средства (слова), 38% – фонетическое оформление речи (интонация, тон, тембр, темы, т.е. понятия так называемого сверхсегментного уровня) и 55% – невербальные средства (мимика, жесты, телодвижения, глаза, улыбка и т.п.). Не будем ставить под сомнения верность этих результатов, чистоту эксперимента, точность оценок. Поверим этим цифрам, не проверяя их. Итак, словам, т.е. тому, **что говорим**, отводится всего лишь 7% общения. 93% – это то, **как говорим**.

Разумеется, речь идет об **устном** и **визуальном** общении, о прямых контактах. В телефонном, магнитофонном, радио общении исчезают 55% невербальных средств.

Не проводя никаких специальных исследований, просто на основе 40-летнего опыта преподавания иностранных языков в высшей школе России, можно с уверенностью сказать, что при овладении языком как главным средством человеческого общения 95% времени отводится на изучение слов, их форм, значений, правил их соединения, т.е. на 7% вербальных средств общения; 4–5% времени тратится на интонационное оформление, т.е. на 38% и 0–1% времени уделяется 55% невербальных средств. Для наглядности приведем только цифры.

Общение	Время, затраченное на изучение
7% (слова, язык)	95%
38% (интонация)	4 – 5%
55% (невербальные средства)	0 – 1%

Получается уже не грустная, а страшная картина, или повесть о потерянном времени: миллионы людей десятками лет «учат язык», а потом оказываются неспособными эффективно общаться, потому что «выучивают» только 7% компонентов реального устного общения.

Так обстоит дело на уровне научных исследований.

Что касается жизненного опыта, то он подтверждает результаты этих исследований – может быть не вполне точных статистически, не перепроверенных лингвистами и культурологами, но явно отражающих общие тенденции, так как «тому в истории мы тьму примеров видим». В этом плане особенно ярок и показателен опыт современной России.

Как известно, любовь к иностранным языкам – это настолько характерная черта русских людей, что ее можно, по-видимому, рассматривать как компонент национального характера. Только Россия дала удивительный пример такой глубокой и сильной любви к иностранному – французскому – языку, что в образованных кругах русского общества XIX века родной язык был оттеснен на второй план. Уровень культуры и образованности человека в России того времени измерялся уровнем знания французского языка.

В Советском Союзе ни «железный занавес», ни обвинения в космополитизме, ни угроза лишения свободы, ни риск репутацией, карьерой, иногда – жизнью не смогли истребить интерес к изучению иностранных языков, языков «потенциальных врагов», жителей так называемых «капстран». В условиях полной изоляции, отсутствия всех форм общения и информации, кроме строго дозированной печатной продукции, никаких «культурных» барьеров не было, до них просто дело не доходило: их перекрывали барьеры политические и экономические. Соответственно, ни невербальные средства общения (55%), ни фонетические приемы оформления речи (38%) практически не существовали, потому что в письменной речи нет ни мимики, ни интонации, а непосредственное, устное общение для большинства было невозможно.

Несмотря на это, иностранные языки были обязательной дисциплиной в учебных планах и школ, и вузов, в отличие от так называемого «свободного мира» – очередной российский парадокс, загадка русского менталитета. В результате, когда с Перестройкой, в 90ые года XX века общение с людьми из «капстран» стало реальностью, выяснилось, по крайней мере, два важных обстоятельства:

- 1) что мы лучше всех (включая носителей языка) знаем эти самые «вербальные» 7%: слова и грамматику, поскольку все 100% наших усилий и времени были на них потрачены,
- 2) что мы не умеем общаться и что правильно употребленные артикли и предлоги не спасают от провалов на всех уровнях.

Вот пример из личного (который, разумеется, общественный) опыта.

На самой заре Перестройки, году в 1990, когда «капиталистический» мир, облегченно вздохнув, в рекордно короткий срок перестроился, и от страха и ненависти к СССР перешел к любви к Горбачеву и – через него – к его стране и людям, в это самое, тоже рекордно короткое, мгновение жаркого мира после холодной войны в Москву приехала делегация Британского Совета – самого высокого уровня. Один из первых своих визитов эта делегация нанесла, естественно, Московскому государственному университету и, в частности, руководству совсем еще молодого факультета иностранных языков. Мы готовились к этой

встрече очень тщательно, не жалея ни сил, ни времени, ни денег; мы понимали, что этот визит может раскрыть совершенно новые – прямые! – контакты, контракты, обмены, невиданные возможности, неслыханные перспективы.

К приезду делегации все было готово: стол ломился от яств и напитков. Несмотря на период страшных продовольственных дефицитов, как обычно, мы «достали» все: «шекспинску стерлядь золотую», как сказал поэт и «суп в кастрюльке» – прямо из домашней кухни. В углу лежала прикрытая до времени гора подарков: матрешки, балалайки. Все руководство факультета – профессора, доценты, ученые дамы – блистало лучшими туалетами: оборочки, рюшики, накидки, украшения.

Языкового барьера – не было! Все мы окончили английское отделение филологического факультета Первого Вуза страны, все были отличницы и комсомолки, все честно выучили латынь, готский язык, древне – и среднеанглийский, читали – и ставили в студенческом английском театре Чосера и Шекспира.

Высоко образованные британцы были в полном восторге. Они были восхищены и угощением, и напитками, и радушным приемом (о, это русское гостеприимство!) и подарками (о, эта русская щедрость!), и – особенно! – образованностью и английским языком дам, действительно приятных во всех отношениях.

Мы тоже были в восторге. Удивляло только одно: наш английский преподаватель Брюс Монк, еще не написавший тогда с Т.Б. Клементьевой прекрасный учебник для русских школьников «Happy English», становился все мрачнее и мрачнее. Гости ушли очень довольные, их следующий визит был в Дипломатическую Академию. Мы, тоже очень довольные «настоящим общением» с иностранцами, спросили у Брюса, чем он огорчен. Ответ нас ошеломил: *«Но вы же сорвали переговоры, вам ничего не предложили – ни контактов, ни контрактов, это была гулянка, пирушка, но не деловая встреча».* *«Но мы же наладили хорошие личные отношения»*, – залепетали мы. *«Мы же подружились».* *«Да»*, – сказал Брюс, – *«Личные, но не деловые. Развлекаться они теперь захотят только с вами, но делать дела – с другими».* Он оказался прав. В Дипломатической Академии на столе были только бутылки с минеральной водой, стаканы, бумага и ручки. После серьезного обсуждения форм сотрудничества были предложены кофе и чай.

Вот тогда мы и поняли, что знание языка, пусть даже очень глубокое, это еще не все. Произошел конфликт культур: мы организовали прием в традициях **нашей** культуры. И знание Шекспира и Чосера не помогло...

Итак, и научные изыскания, и практический опыт подтверждают мысль о том, что знание собственно языка как совокупности слов и правил их соединения не обеспечивает «эффективности» общения: для этого требуется еще и **знание культурных норм партнеров по общению**, т.е. их традиций, образа жизни, видения мира, менталитета, национального характера.

Самым ярким доказательством правильности этой мысли можно считать общение между представителями разных культур внутри одной национальности, одного народа, пользующихся одним и тем же языком как средством общения. Все мы знаем из личного опыта, как часто мы не можем договориться или даже просто общаться с коллегами, соседями, ближайшими родственниками, родителями, детьми, мужем, женой, братьями, сестрами. И общий язык совершенно не помогает ... Одного барьера – культурного – вполне достаточно, чтобы лишить людей возможности общаться друг с другом (и общаются, как враг с врагом).

Картина складывается все более безрадостная, особенно в ситуации международного общения, когда нужно еще и чужим языком овладеть.

Однако, не расстраивайтесь. Скажу заранее, не претендуя на лавры О'Генри и других писателей, знаменитых неожиданными развязками: у этой истории счастливый конец. Мы можем и должны преодолеть и языковой, и культурный барьеры, мы – «человеки разумные» – должны, наконец, воспользоваться разумом, **осознать** разделяющие нас расщелины (лучше избегать слово «пропасти»), научиться строить мосты, перестать оценивать людей в терминах «лучше» – «хуже», понять, что мы все хорошие, но разные, и насладиться роскошью общения.

Для того, чтобы научиться общаться с людьми других культур и языков, нужно понять, **осознать** и уже не забывать, не упускать из виду очевидную вещь: язык и культура неразделимы, язык – важнейший компонент культуры, культура – обязательный компонент языка. Изучая язык, нужно видеть его культурный потенциал, заложенные в нем элементы культуры, отражающие внешний и внутренний мир человека и формирующие носителя языка как личность. **Изучение языка как системы** возможно и необходимо для специалистов по языкознанию. **Овладение языком как средством общения людей** возможно и необходимо при условии **соизучения языка и культуры**. Для того, чтобы общаться и взаимодействовать, люди должны уметь найти общий язык. Добавим – и культуру.

Подведем итоги.

Жизнь человечества зависит от его способности к общению. Человек – существо коллективное, он не может жить без общества, а общество невозможно без общения и взаимодействия людей. Научно-технические достижения, направленные на улучшение жизни всего человечества тормозятся языковыми и культурными барьерами. Объединение людей в единую структуру, в некие Соединенные Штаты Планеты, могло бы, по-видимому, обеспечить экономический и научно-технический прогресс и укрепление безопасности всего человечества.

Однако на пути глобализации встал «человеческий фактор» – языковой и культурный барьеры.

Соотношение, взаимосвязь и взаимодействие языков и культур, их конфликты и войны, возможности их мирного сосуществования – вот факторы, которые во многом определяют, сможем ли мы построить Вавилонскую башню. То есть, извините, Глобальную Деревню.